

ОТ РЕДАКЦИИ

Альманах наш взрослеет. У него уже складывается своя устойчивая стратегия, рабочая модель, построенная на сотрудничестве-симбиозе с антропологическими семинарами, которые мы же, его редакторы, ежегодно устраиваем в Новосибирске. Тема очередного семинара затем становится «Темой номера» в ближайшем выпуске альманаха, и материалы семинара доставляют основу содержания центрального раздела выпуска. Прочный симбиоз сложился и с семинаром Института Синергичной Антропологии в Москве, материалы которого также уже традиционно появляются в этом разделе (как и в других). Издание наше стоит, однако, на двух китах: наличие в каждом выпуске ведущей темы, из круга наиболее актуальных для антропологической ситуации, должно сочетаться с универсальностью, с полнотой охвата Территории Человека и с открытостью всему спектру направлений и поисков современной антропологии. Эта вторая установка обеспечивается другими разделами альманаха, система которых в целом также уже успела сложиться: АВТОПОЭЗИС ЧЕЛОВЕКА — РАЗГОВОР НА ПОРОГЕ — АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ... Для нас небезразлично и то, что эти разделы-рубрики поддерживают жанровое разнообразие издания, помогая ему выбраться из педантичного академизма в живой разговор.

Темой последнего семинара - и темой номера в настоящем выпуске - послужили радикальные антропологические тренды. Не требует доказательств, что эта тема сполна удовлетворяет условию актуальности: никогда еще Человек не культивировал с такой массовостью, с таким рвением таких радикальных практик себя. Они всё множатся, разнообразятся без конца, и в этом - какая-то истовая, напряженная обращенность Человека к себе: *возвращение Человека*, так назывался упомянутый Новосибирский семинар 2009 г. С прежним Человеком произошло что-то крупное и непоправимое: смерть Субъекта, а некоторые говорят, и смерть Человека. Человеку необходимо заново обрести себя, и он пытается себя найти в отчаянных испытаниях себя, он производит радикальные пересмотры, разъятия, разложения себя, тщась доискаться новых устоев, новой человечности, субъектности... - и ничего не находит. И в этих его поисках-испытаниях отчетливо сквозят новые черты, нисколько не свойственные прежнему победительному Человеку Нового Времени: дезориентация, неуверенность в себе, готовность к отказу от себя. Человек обращается и возвращается к себе - не для того ли чтобы устроить свои проводы, призвать на свое место какого-нибудь Постчеловека, образы которого уже маячат на горизонте?

Таков тот антропологический ландшафт, что формируют сегодня радикальные тренды и практики человека. Обращаясь к его изучению, мы констатируем, что пока эти практики и тренды обсуждаются, в основном, лишь на уровне масс-медиа, эмпирических описаний, первых произвольных гипотез... Осмысление же еще не пришло. Не успело еще возникнуть не только основательных теорий, но даже базовых понятий, научного языка - и, по сути, работа концептуализации и интерпретации всей новой обширной генерации радикальных явлений должна прodelываться *ab ovo*, по целине.

Подобная первичная концептуализация проблемного поля предпринимается в открывающем альманах докладе С. Хоружего. Исходная задача в изучении антропологических трендов определяется здесь как задача их *диагностики* -

распознавания, «кто же это делает», или, иными словами, реконструкции того человека, который стоит за этими трендами, который их осуществляет. Базу для такой реконструкции доставляет синергичная антропология. Ее аппарат оказывается хорошо приспособлен к задачам антроподиагностики: номенклатура типов антропологического размыкания и отвечающих им парадигм конституции человека служит своеобразной «системой координат» на Территории Человека, и реконструируемый протагонист антропо-тренда, «тот, кто это делает», может быть охарактеризован с помощью этой системы. Иначе говоря, синергичная антропология доставляет основу для разработки конкретных методик диагностики: мы выясняем, с каким видом размыкания человека связан изучаемый тренд, и знание этого позволяет реконструировать личностные структуры его протагониста. Представив беглое обозрение всего спектра радикальных антропотрендов наших дней, доклад проводит указанную методику диагностики для нескольких из них, разной степени радикальности. Эту линию прямо продолжает статья П. Сержантова: проведенный здесь анализ трендов «харизматических движений», как нельзя не заметить, также носит характер их диагностики на базе синергичной антропологии, пусть явно задача диагностики и не ставится.

Самые радикальные, постчеловеческие тренды стали в нашем выпуске полем диалога двух антропологических семинаров: обсуждение этих трендов в новосибирском докладе С.С. Хоружего дополняется и детализируется в докладе А.С. Нариньяни на московском семинаре ИСА. Автор дает свою оригинальную трактовку компьютерных антропопрактик, или же киборг-трендов, описывая их как движение к «Е-Номо», новому человеку (или постчеловеку) в симбиозе с IT-средой. Его отношение к этим трендам, пожалуй, более положительное и теплое, чем в докладе Хоружего, хотя и достаточно взвешенное, без апологетики: ведется здравый баланс плюсов и минусов, обретений и утрат и, в частности, указываются сильные тоталитарные риски, рост «просвеченности» и подконтрольности человека. Этот доклад А.С. Нариньяни, сделанный со всем присущим ему блеском, с мастерством живой беседы, стал, увы, одним из последних публичных выступлений ученого. Публикацию доклада мы посвящаем его памяти.

Радикальные тренды, отвечающие телесным практикам новейшего искусства, обсуждаются в двух текстах Н. Абалаковой, одного из создателей радикального течения ТОТАРТ. И здесь вновь на страницах выпуска переключая, служащая освещению предмета с разных позиций: в докладе Хоружего этот же вид практик рассматривался под другим углом зрения, в других аспектах. Два текста автора взаимно дополнительные: в одном анализируются социокультурные измерения телесных практик (по преимуществу, перформансов), в другом - собственно антропологические. Краткий текст «Языки тела» особенно для нас интересен: здесь - как бы сжатая энциклопедия или, по крайней мере, весьма четкий обзор функций и подходов к телу в экстремальных художественных практиках, а также и основных изводов герменевтики этих подходов и функций. Помещая в нашем издании эти «внутренние продукты» художественного сообщества, мы стремимся к снятию ведомственных барьеров меж культурными сферами, в уверенности, что такое снятие способно немало стимулировать антропологическую рефлексию; на пути к новой антропологии оно необходимо и неизбежно.

Самостоятельную линию в разработке главной темы выпуска прокладывает работа С.А. Смирнова. Проблематика антропологических трендов, их диагностики и расшифровки, здесь «переформатируется» как проблема антропологического Форсайта. В этом новом, пока лишь намечаемом виде Форсайта автор хочет найти содержательный и в то же время фундированный, не дилетантски-произвольный,

способ разговора о перспективах Человека, дискурс (антропо) будущего. Вопреки раскованно-разговорному письму, текст совершает продвижение к искомому дискурсу путем достаточно систематического труда - анализа методологических парадигм, отыскания и построения опорных концептов. Правда, эти концепты оказываются интригующе необычны: «дикая карта», «точка невозврата», «эгональ», «антропоидный картоид»... Но в свете всех необычностей самой концептуализируемой ситуации, это, мы думаем, мало удивит читателя.

Вкупе еще с несколькими текстами, которые читатель найдет в «Теме номера», этот главный раздел, как мы надеемся, являет многогранную реальность радикальных антропотрендов в довольно полном охвате и достаточно четкой оптике.

Но проблема поиска новой концептуализации, нового языка встает сегодня не только по отношению к радикальным антропотрендам. В той или иной мере, уход классической антропологии рождает аналогичную проблему в любой сфере антропологической, а затем и социальной реальности. Наряду с синергийной антропологией, для решения проблемы опробуются и многие другие подходы. В выпуске читатель найдет интересный и перспективный пример такого рода: это предпринятая в работе Б.Д. Эльконина концептуализация культурно-исторической реальности (как она понимается в психологии Выготского) на базе аппарата онтопрактик и антропопрактик. Опора на практики человека создает известную близость этих построений с синергийной антропологией, и диалог двух подходов мог бы быть плодотворен.

На этом деловом замечании мы и закончим обращение к читателю. Человеку не по себе - обстановка призывает к трезвости и к работе.

С. С. Хоружий, С.Л. Смирнов